

«В ТЕНИ ВИНОГРАДНИКА»

(По мотивам рассказа И.Зингера «ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ»)
(ПЬЕСА)

(Пустая гостиная, обставленная старой, но добротной мебелью. Через открытую дверь балкона видны небоскрёбы большого города. На балконе стоит кресло-качалка. Долго, настойчиво звонит телефон...

Наконец, в одну из дверей просовывается взлохмаченная голова Гарри Бендинера. Видно, что он недоволен разбудившим его звонком. Некоторое время он ждёт, но телефон продолжает звонить. Походкой старого, большого человека Гарри семенит к столу. На нём пижама, поверх которой надета тёплая безрукавка, закрывающая горло; и тапочки.)

Гарри.

Бендинер слушает. ... Да, да, Гарри. Или ты думаешь, что здесь живёт ещё кто-то под этой фамилией? (Некоторое время он слушает).

Вот что, Алоиз, когда ты затевал эту афёру со строительством, то не прислушался к совету старика Гарри. Больше того, ты уговорил меня дать тебе денег под такие смешные проценты, что я даже постеснялся сказать об этом моему помощнику Марку. ... Да, я помню это, Алоиз...

Но послезавтра истекает уже третий срок платежей и, если ты думаешь, что я буду переносить его бесконечно, то это твоя очередная ошибка.

(В процессе разговора он начинает переминыться с ноги на ногу. Ему очень нужно в туалет и он хочет поскорее закончить разговор).

О чём ты говоришь, Алоиз? Ни что уже не сделает меня более одиноким. Когда-то я слишком хорошо усвоил твои уроки бизнеса. ... И не надо взывать к моему религиозному чувству. После того, что фашисты сделали с евреями, я меньше стал советоваться с богом.

(Терпеть становится всё труднее, и он то присаживается на край стола, то начинает притоптывать ногами.)

Меня ждёт неотложное дело, и, если я потрачу на тебя хотя бы ещё минуту, последствия могут быть печальными. В конце концов, Алоиз, сумма, которую ты можешь потерять на этой дурацкой сделке, не столь велика. Дай отставку одной-двум любовницам, и ты останешься при своих. ... Что? ... Вот именно, я обхожусь без женщин и поэтому богат. ... Видишь, ты уже смеёшься, значит, не так плохи у тебя дела.

(Терпеть становится невмоготу).

Всё, Алоиз, меня ждут, и скоро лопнут от нетерпения. ... Что? ... Какой контракт? ... Ты хочешь прочитать его мне по телефону?!.. Нет!!! ... Ну, вот что, так и быть, я распоряжусь, чтобы в банке подождали ещё месяц. Но это в последний раз! Пока.

(Он бросает трубку и, теряя тапочки, бежит в туалет)
Боже, кто бы знал, ЧТО заставляет меня играть в поддавки!

(Некоторое время сцена пуста. Слышен звонок в дверь. Через паузу – опять. Из ванной комнаты выглядывает удивлённый Гарри. В руках у него большая клизма. Он, было, направляется с ней к двери, но потом возвращается и прячет её. Посмотрев в дверной глазок, Гарри открывает дверь. Входит Марк.)

Марк.

Здравствуй, Гарри. Как ты и предсказывал, наши акции поползли вверх. По всей видимости, пароходная компания...

Гарри.

Марк, почему ты не позвонил мне, как обычно, по домофону?

Марк.

Извини, Гарри. Внизу какие-то люди занесли в подъезд вещи, и дверь была открыта. Консьерж за столько лет привык, что я прихожу к тебе едва ли не каждое утро и...

Гарри (перебивая).

Да, но это неудобно. В конце концов, я мог быть не один.

Марк (встревожено).

Ты что, вызывал врача? Тебя опять мучает непроходимость?

Гарри.

Все врачи, которые когда-либо лечили меня, уже умерли.

Марк.

О Господи, Гарри, я не всегда понимаю, шутишь ты или у тебя дурное настроение.

Гарри.

Все мои шутки от дурного настроения, Марк.

Марк.

Что тебя расстроило?

Гарри.

А что может меня радовать, если я вызываю только медицинские ассоциации?

Марк.

Я знаю, Гарри, тебе нужна женщина.

Гарри.

Что?!

Марк.

По уходу... Я был бы рад, если бы рядом с тобой кто-то был. Нет, нет, мне не в тягость отнести в прачечную бельё или купить для тебя лекарства, но, если бы это делалось женскими руками, то это было бы... уместней.

Гарри.

Ты прекрасно знаешь моё отношение к женщинам. Моя последняя жена...

Марк.

Её двадцать лет уже нет на этом свете.

Гарри.

Да? А я думал, что она только вчера швырнула в тебя супницей, когда ты сказал, что американские женщины никогда не научатся делать настоящие кнедлики.

Марк.

Но ведь это так, Гарри. Согласись, что моя Голда всегда их делала намного лучше.

Гарри.

Нет, Марк, ты не уговоришь меня впустить в дом женщину. Все они хотят только одного: денег, денег и денег. Даже служанки, и те старались что-нибудь украсть.

Марк.

Четыре года назад я предлагал тебе взять в дом мою дальнюю родственницу Эсфирь, девушку удивительно добрую и почитающую родителей. За несколько долларов в неделю она вела бы хозяйство и вряд ли разорила тебя. Почему ты тогда не согласился?

Гарри (с пафосом).

Взять в дом холостого мужчины молоденькую девушку?..

Марк.

Да-да, моя Голда до сих пор улыбается, когда вспоминает твои слова о том, что ты боялся её скомпрометировать.

Гарри.

Что тут смешного? Я был бы вынужден на ней жениться.

Марк (улыбаясь).

Ты?

Гарри.

А что? Мне только восемьдесят два! Поверь, я ещё помню, как окручивать хорошеньких девушек из еврейских религиозных семей. Несколько коробок сладостей, два похода в кино и мы уже идём под хупу.

Марк (смеётся).

Да, Эсфирь любит сладости. Но в кино... ты бы не высидел и половину сеанса с твоим мочевым пузырьком.

Гарри.

Ну, довольно. Займись-ка лучше почтой. Меня волнует, что до сих пор нет известий от Линча из Сан-Диего. Как там его новое дело?

(Марк разбирает почту, а Гарри опять скрывается в ванной).

Марк (набирает номер телефона).

Алло, Голда?.. Как вы там?.. Девочки ещё не проснулись?.. Рано? Ах да, конечно. ... Нет, на улице очень жарко. ... Жилет? Конечно на мне. ... Да, Голда, я всё помню и скажу, как ты меня учила. ... Не волнуйся, я это куплю у Мейтельса, там дешевле. ... Я тебе позвоню ещё из конторы.

(Марк опять углубляется в бумаги, щёлкает на старомодных счётах, делает какие-то выписки. Гарри, всё так же в пижаме и тапочках, проходит на кухню и гремит там посудой).

Гарри (появляясь из кухни и продолжая прерванный разговор).

А если говорить серьёзно, то я уже привык всё делать сам. Вспомни, в Гемаре сказано: безделье ведёт к безумию.

(Он пытается делать зарядку. Все его движения настолько нелепы, что вызывают жалость и смех).

Марк (отрываясь от бумаг).

Судя по счетам и последним новостям с биржи, ты стал богаче ещё на несколько тысяч. С тех пор, как твоё состояние перевалило за три миллиона, при твоей осторожности и расчётливости, Гарри, процесс обогащения стал для тебя необратим. Мне кажется, что я в этом уже не играю никакой роли.

Гарри (прихлёбывая из принесённой чашки).

Что ты этим хочешь сказать?

Марк.

Я не случайно завёл сегодня разговор о твоём одиночестве.

Гарри.

Но мне так удобно. Я не хочу, чтобы, в конце пути, меня кто-то подталкивал в спину. Я привык к одинокой жизни.

Марк.

Жизни, Гарри, именно жизни.

Гарри.

Ах, вот ты о чём... Ну, я намного старше тебя, Марк, и надеюсь, что ты...

Марк (резко поворачиваясь к нему).

Мы уезжаем, Гарри.

Гарри.

Что?!

Марк.

После Пасхи мы уезжаем в Израиль. Моя Голда хочет жить там, где похоронены её родители. Да и дети должны...

Гарри.

Ты хочешь уехать, Марк?

Марк.

Да. Мы все хотим.

Гарри.

Но, это совсем не дёшево, уехать в Израиль и начать там всё с нуля. "Камни в стране Израильской тяжелее, чем в других". У тебя ведь, кажется, трое детей, так?

Марк.

Да, если не считать Цилю, жену Фроима и Лизу. А всего пятеро.

Гарри.

Им же надо заново учиться. Они не знают языка.

Марк.

Моя Голда всегда говорит с ними на иврите. А внучка Лиза даже знает несколько стишков.

Гарри.

Вот видишь, - внучка. Она же совсем кроха.

Марк.

Ей уже пять лет, Гарри.

Гарри.

Неужели? Как летит время! И тебе не страшно с целой кучей детей...

Марк.

Моя Голда уверена, что всё будет хорошо. Служа у тебя, я получал неплохую зарплату. Спасибо тебе. При нашей семейной бережливости, мы сумели скопить кое-что за эти годы. Да и дети не сидели, сложа руки... В общем, нам хватит.

Гарри.

Но почему ты не говорил мне об этом раньше? Почему ты молчал? Прожить столько лет в Америке...

Марк.

Я говорил тебе об этом, Гарри, но ты не принимал мои слова всерьёз.

Гарри.

Разве? Не помню. Но, зачем тебе это нужно? Вам что, плохо здесь? Ты хоть понимаешь, что твоим близняшкам сразу дадут в руки автоматы вместо скрипок? Там каждый день приходится доказывать своё право на эту каменистую землю. Разве ты мало испытал за свою жизнь, Марк? Ты чудом остался жив тогда, в Варшаве. Или ты всё забыл?..

Марк.

Нет, я ничего не забыл. В том-то и дело, что я слишком хорошо это помню.

Гарри.

Тогда объясни. Твоя Голда разумная женщина, и мне тем более кажется странным...

Марк.

Мы давно уже всё решили, Гарри.

Гарри.

Ну, хорошо, у неё там похоронены родители. Если не ошибаюсь, они прожили в Израиле года три. Так?

Марк.

Нет, Гарри. Отец Голды, реб Хаим Гехт тяжело болел ещё в Польше и умер через месяц после приезда, а мамеле Лея, олеохашодем – мир её праху, едва ли прожила год после его кончины.

Гарри.

Ну, вот! Они даже не успели познакомиться с соседями.

Марк.

Они поехали, чтобы умереть на этой земле.

Гарри.

Нет, я отказываюсь это понимать!

Марк.

Тебе нельзя нервничать, Гарри. Давай поговорим о другом. (Некоторое время они молчат.)

Гарри.

Скажи, Марк, а кто тогда сообщил Голде, что ты здесь, в Америке?

Марк.

Не помню. В те годы многие уезжали в Израиль. Кто-то встретил её там и сказал, что я жив, и она приехала, чтобы увезти меня отсюда.

Гарри.

Однако вы задержались.

Марк.

Да, ты прав. Сначала мы хотели уехать через год после свадьбы, но... вдруг родился Фроим. Потом... девочки... серьёзно занялись музыкой. Однажды утром, когда я звонил в Тель-Авив, чтобы сообщить о дне нашего приезда, забеременела Циля.

Гарри.

Значит, ты тоже хочешь уехать, чтобы умереть там?

Марк.

Да... Но сначала жить.

Гарри.

И всё-таки, почему, Марк?

Марк.

Я еврей, Гарри.

Гарри. (Удивлённо).

А я, по-твоему, кто?! Обрезанный алеут? Разве не меня моя бедная мать назвала при рождении Гершелем? Да, я уже давно не хожу в синагогу, за работой я частенько забываю о святой субботе, но ты же знаешь, сколько я помогал иешивам и Толмуд-Торам. Разве не через твои руки проходили счета в помощь синагоге и тому же Израилю?

Марк.

Конечно, Гарри, конечно. Наша община благодарна тебе. Нет еврея щедрее тебя в этом городе, но...

Гарри.

Что, но?..

Марк.

Не обижайся, Гарри, но... ты, всё-таки, стопроцентный американец. (Торопливо) Вернее, я хотел сказать, американский еврей.

Гарри.

А ты, значит, еврей еврейский?!

Марк.

Ну вот, ты и обиделся.

Гарри.

Я не обиделся, Марк, но ты мне так и не объяснил, что заставляет тебя срывать с насиженного места и ехать на другой конец земли.

Марк.

Боюсь, что ты посчитаешь мои слова несколько высокопарными...

Гарри.

Так-так...

Марк.

...но... мы ждали две тысячи лет, чтобы вернуться туда.

Гарри.

Должен сказать, что ты неплохо сохранился, старина.

Марк.

Я так и знал.

Гарри.

Что?

Марк.

Что ты будешь смеяться.

Гарри.

А что мне остаётся делать? По твоим словам, вы две тысячи лет лелеяли мечту об Эрец-Исраэле, а я в это время оплачивал экспедицию Колумба. И что теперь? Мне уготована роль Вечного Жида, а вы столбите участки на кладбищах "Земли Обетованной". Так, что ли?

Марк (улыбаясь).

Это не мои слова, Гарри. Я всего лишь хотел сказать, что ты никогда не уедешь отсюда.

Гарри.

Ну вот... Это почему же?

Марк.

Разве ты сможешь бросить их?

Гарри.

Кого? Я плохо тебя понимаю, Марк.

Марк.

Вы с Розалией прожили вместе почти тридцать лет.

Гарри.

Но она ушла, ушла от меня за четыре года до своей кончины. Понимаешь?! Она бросила меня!!!

Марк.

У вас было двое детей, Гарри.

Гарри.

Да, Марк, и мне очень больно, что я ещё жив, а они уже ушли из этого мира. Ты сам не раз летал со мной в Бостон на могилу моего мальчика. Вместе с талантом хирурга, Бог дал ему большое сердце, унаследованное от матери и, как врач, Билл прекрасно понимал, что его жизненные часы идут значительно быстрее. Он даже не мог создать семью. Ему приходилось сторониться женщин, мечтавших об этом.

Марк.

Не надо, Гарри. Прости, что я завёл этот разговор.

Гарри.

Ты здесь ни причём. С годами я всё чаще думаю об этом. Мне очень жаль, что у меня были сложные отношения с Сильвией. Да, она не была мне родной, но разве я не любил её как собственную дочь?

Марк.

И она любила тебя, Гарри.

Гарри

Она всегда ревновала ко мне свою мать... и это было мучительно для всех нас.

Марк.

Это легко понять. Было бы глупо обижаться на неё.

Гарри.

Может быть, поэтому она так поздно вышла замуж? Сильвия не прислала мне ни одной открытки из Канады, куда они переехали с мужем. ... А потом... эта страшная катастрофа над океаном, когда они возвращались из отпуска. У меня нет даже её могилы.

Марк.

У тебя есть её сын, твой внук, Гарри.

Гарри.

Да, мой внук Лео. Его так долго скрывали от меня, боясь, что я предъявлю на него права, что я даже не видел ребёнка.

Марк.

О, этому ребёнку уже двадцать три!

Гарри (оживляясь).

Я хочу признаться тебе, Марк. Не так давно, я разыскал его где-то в Ванкувере, по-моему...

Марк.
В Калгари.

Гарри.
Да, в Калгари. И позвонил туда. И знаешь, что он мне ответил, когда я назвал себя?

Марк (улыбаясь).
Что же?

Гарри.
Он сказал, что если это действительно звонит тот самый придурочный Бен-Гурион, то он готов прислать мне несколько сотен долларов на дорогу в Россию, с которой, как он уверен, нет телефонной связи.

Марк (заливаясь смехом).
Но, почему в Россию? Разве мать не говорила ему, что ты выходец из Польши?

Гарри.
Скорее всего, для него это одно и то же.

Марк.
Да... парень увлекается автогонками, и не удивительно, что у него ветер в голове.

Гарри (с подозрением).
Скажи, это, случайно, не ты подсунул мне газету со статьёй об этом шалопае?

Марк.
Нет-нет, что ты.

Гарри.
Ты, к тому же, ещё и лгун, Марк. А ведь когда-то ты собирался стать раввином.

Марк (со вздохом).
Увы, в Америке не станешь раввином, если не научишься играть в бейсбол.

Гарри (задумчиво).
Знаешь, Марк, а ведь меня предупреждали перед свадьбой, что Розалия больна.

Марк.

Ты любил её.

Гарри.

Да, я любил её.

Марк.

И она любила тебя.

Гарри.

Она ушла от меня.

Марк.

Она ушла, когда ты связался с этой монгольской штангисткой.

Гарри.

Это была японка, Марк.

Марк.

Ну, это в корне меняет дело.

Гарри.

Но до этого она мне прощала подобные грехи.

Марк

Она была святой.

Гарри.

Не смей меня, Марк. В гневе она становилась фурией. Тебе ли этого не помнить?

Марк.

Она была святой фурией. Даже в больнице она держала около себя твои письма. Да, да, можешь спросить об этом у Голды. Я знаю, Гарри, ты умел писать письма женщинам. В каждом из них было столько поэзии...

Гарри.

А тебе-то, откуда это известно?

Марк.

Как?! А разве не я исправлял в них твою чудовищную орфографию? Помню, как в письме к обожаемой тобой Мэрилин Монро ты сделал две ошибки в одном только слове «эрекция».

(Раздаётся звонок в дверь).

Гарри.

Кого там ещё несёт? Неужели опять эта старая миссис Хелперт пришла искать у меня своего кота? Господи, сколько раз я уже говорил ей, что у меня аллергия на кошек. Поговори с ней, Марк, а я пока сварю себе овсянку. К тому же, (он показывает на свои пижамные штаны) я ещё не успел надеть галстук.

(У дверей кухни он останавливается).

Напрасно ты хочешь помирить меня с мёртвой Розалией? Зачем? Когда настанет время, уж поверь мне, найдется, кому спуститься за мной оттуда, СВЕРХУ (Показывает пальцем вверх), чтобы показать дорогу.

(Марк открывает дверь. Входит миссис Адамс. В руках у неё небольшая сумочка)

Адамс.

Прошу прощения, я к вам СВЕРХУ.

Марк (испуганно).

Э-э-э...? Не понимаю!

Адамс.

Вы не говорите по-английски?

Марк.

Вы, кажется, сказали «сверху»?

Адамс (объясняет громко, как глухому).

Меня зовут Адамс, Полли Адамс! Я живу над вами, в двенадцатой квартире! (Показывает на пальцах) Понимаете? В две-над-ца-той!

Марк (постепенно приходя в себя).

С таким замечательным голосом, миссис Адамс, вам совсем не обязательно было спускаться вниз. Я бы прекрасно вас услышал, даже если бы вы говорили оттуда.

Адамс.

Вы шутник, мистер...

Марк.

Терцивер. Марк Терцивер. Я помощник господина Бендинера.

Адамс.

А что, сам господин Бендинер... он дома? Я могу с ним поговорить?

Марк.

Да, конечно... То есть, нет... В том смысле, что можете, но он... он ещё без галстука.

Адамс.

Ах, вот как... Заметьте, я тоже не надела вечернее платье.

Марк.

Скажите, а я не смогу вам помочь? Да вы присаживайтесь, прошу вас.

Адамс (после некоторого колебания садится).

Может быть, я зря решила вас побеспокоить, но, дело в том, что с некоторых пор я стала получать письма господина Бендинера. Вот, кстати, последнее из них... (Она пытается достать из сумочки конверт).

Марк.

Что?!!! Что вы стали получать?!!

Адамс (опять начиная разговаривать с ним как с глухим).

Я говорю, письма... (Показывает руками) Понимаете?

Марк (оглядываясь на кухонную дверь).

Боже мой! Гарри! Кто бы мог подумать?! (Поворачиваясь к миссис Адамс) И... и как вы к этому относитесь?

Адамс.

К чему?

Марк.

Ну... к тому, что в них написано. (Поспешно) Вы можете быть со мной совершенно откровенны. Понимаете, миссис Адамс... дело в том, что я старый друг господина Бендинера, и... и приблизительно знаю содержание этих писем.

Адамс.

Но... причём здесь я, позвольте вас спросить?

Марк.

Не скажите, не скажите... Уверю вас, вы не из тех женщин, мимо которых можно пройти равнодушно.

Адамс.

Вы это серьёзно?

Марк (доверительно наклоняясь к ней).

Более чем. Уж поверьте, в этом я знаю толк...

А что касается господина Бендинера ... Да, он хоть и старше меня... и по утрам его мучают... приходится делать... Аллергия на кошек, опять же. Да. Есть проблемы с... но, в остальном... он просто юноша! И душой, и... и телом...

(Слышно, как на кухне с грохотом падает и разбивается тарелка).

Марк (посмотрев на закрытую кухонную дверь).

Простите, на чём я остановился?

Адамс (выходя из оцепенения).

Вы остановились на том, что я не из тех женщин, мимо которых можно пройти равнодушно.

Марк.

Что, это я сказал?

Адамс.

Да, мистер Терцивер. И, признаюсь, это была единственная вразумительная фраза. Что же касается последнего письма... (Она достаёт из сумочки и выкладывает на стол конверт) то его прислали господину Бендинеру из Сан-Диего. После того, как внизу сделали ремонт, я уже не первый раз получаю его корреспонденцию. Вам следует принять какие-то меры, чтобы устранить, наконец, эту путаницу с нумерацией почтовых ящиков.

Марк (в жутком замешательстве).

Безобразия! Я немедленно займусь этим.

Адамс.

Ну, что ж, не буду вам мешать.

(У дверей она останавливается).

Я не всё поняла из того, что вы мне говорили, мистер Терцивер, но кое-что мне определённо понравилось. До свидания.

Марк.

До свидания. (Он поворачивается и вытирает платком лоб). Чёрт побери!..

(Марк подходит к столу и берёт оставленное миссис Адамс письмо, и только тут замечает Гарри, который, стоя около кухонной двери, прямо из маленькой кастрюльки ест кашу.)

Марк (наигранно-весёлым тоном).

А, Гарри! А тут как раз письмо принесли от Линча из Сан-Диего.

Гарри (продолжая есть).

Я всё слышал, Марк.

Марк.

Ты подслушивал?!!

Гарри.

И даже подглядывал в щелку.

Марк.

Честное слово, я не ожидал этого от тебя.

Гарри.

Должен признаться, что тот напор, с которым ты домогался этой милейшей миссис Адамс, для меня тоже в диковинку.

Марк.

Подожди, подожди, Гарри. Произошло недоразумение, и тебе не следует...

Гарри.

Боюсь, что мне придётся серьёзно поговорить с Голдой о твоей нравственности. Мне совсем не безразлично, что будут потом о нас говорить там, в Израиле.

Марк (деланно смеётся).

Ха – ха! Ты сегодня целый день шутишь, Гарри. С каких это пор ты стал таким поборником нравственности?

Гарри.

Вероятно, с тех пор, Марк, как сам утратил возможность грешить.

Ну, что там пишет старина Линч?

(Пока Марк читает письмо, Гарри относит кастрюльку на кухню и, вернувшись, с задумчивым видом садится в кресло.)

Марк (читает). «...дела, слава Богу, идут неплохо... удалось расширить производство...» Ага, вот: «...в мае погашу остаток задолженности. Спасибо Гарри, благодаря тебе, все невзгоды остались в прошлом».

Гарри (задумчиво).

«В прошлом»... «в прошлом»... Как видно, у меня действительно осталось одно прошлое. А, Марк? Ты и правда считаешь, что мне следует пойти к Розалии?

Марк.

Да, да, я хочу, чтобы у тебя был порядок не только в банковских счетах...

Гарри.

Но ведь прошло уже столько времени.

Марк.

Вот именно, Гарри. Прошло уже столько времени из отпущенного Богом...

Гарри.

Всё-таки, жаль, что ты не стал раввином.

Марк.

Да-а, ты постарел, Гарри. Ты уже не тот черноволосый юноша с железной хваткой, каким был двадцать лет назад.

Гарри (проводит рукой по редкому пушку волос).

Неужели это так бросается в глаза, Марк?

Марк.

Тогда ты не нуждался ни в чьих советах. Ты был самолюбив. Когда однажды я хотел отвезти тебя на могилу Розалии, ты так схватил меня своими клещами за горло, что я испугался, будут ли у меня потом дети.

Гарри.

О, я был парень хоть куда. Однажды, мы с Розалией...

Марк.

Ну?.. Что? Что же ты замолчал?

Гарри.

Скажи мне, ты бывал там? Смогу ли я найти её могилу?

Марк.

Это просто, Гарри. Мы с Голдой любили Розалию, и в первую годовщину её смерти Голда сказала: "Марк, возьми из наших денег сколько нужно, и пусть ей сделают памятник". И ещё она добавила: "Когда-нибудь, потом, господин Бендинер скажет тебе за это спасибо". Голда умная женщина, и я сделал так, как она велела.

Гарри (поражённо).

Вы поставили памятник Розалии?!

Марк.

Да.

Гарри (помолчав).

Марк...

Марк.

Что, Гарри?

Гарри.

Мне очень жаль, что ты уезжаешь.

Марк.

Мне тоже жаль расставаться с тобой, но я уже обещал Голде и детям, что мы уедем после Пасхи.

Гарри.

Я дам вам денег, Марк.

Марк.

Нет-нет, Гарри, я не возьму. И Голда мне сказала: "Когда господин Бендинер будет давать тебе деньги, скажи ему, что у нас не хватает всего чуть-чуть, и поэтому, не надо". А теперь, я пойду. Мне необходимо ещё заехать в контору.

Гарри.

Подожди. Ты можешь мне сказать, сколько денег вы потратили на памятник?

Марк.

Конечно. У меня как раз оказались здесь случайно все расчёты.

(Он достаёт какие-то бумаги и протягивает их Гарри)

Вот здесь, в уголочке проставлена общая сумма.

Гарри (рассматривая документ).

Постой-постой, но на эту сумму можно поставить вторую "Статую Свободы".

Марк.

Видишь ли, Гарри, я включил сюда и те проценты, которые мог бы получить, положи я эти деньги в банк, тогда, двадцать лет назад.

(Гарри некоторое время смотрит на Марка)

Гарри.

Лучше бы ты стал раввином, Марк. (Он провожает его до двери).
Скажи, а как художник изобразил Розалию?

Марк.

Как святую, Гарри, как святую. Мою идею с супницей Голда не одобрила.

(Гарри, задумавшись, стоит в центре гостиной, потом подходит к шкафу и, поставив стремянку, кряхтя, забирается наверх. Он роется в каких-то бумагах, достаёт пачку фотографий и начинает их перебирать. Наконец, он находит то, что искал. Долго глядя на старую фотографию, он беззвучно шевелит губами и, вспоминая что-то, задумчиво покачивает головой. С огромным трудом спустившись со стремянки, он подходит к столу и, надев очки, снова смотрит на фотографию. Резко бросает её на стол.)

Гарри.

Господи, это же президент Кеннеди.

(Звенит входной звонок. Убрав фотографию в стол, Гарри, всё так же в пижаме и тапочках, идёт к двери. Заглянув в дверной глазок, он беспомощно оглядывается. Наконец, сорвав с вешалки плащ, надевает его поверх пижамы и открывает дверь. Входит Этель.)

Этель.

Простите, я, кажется, не вовремя? Вы ведь куда-то уходите?

Гарри (в смущении).

Нет-нет. ... Я, как раз, только что вошёл.

Этель.

Я ваша новая соседка. Позвольте представиться: Этель Брокелес. Правда, смешная фамилия? Это фамилия моего покойного мужа. Моя девичья фамилия Голдман.

Гарри.

Меня зовут Гарри, Гарри... э... Бендинер.

Этель.

Да, я знаю. Мне сказала об этом дочь миссис Хелперт.

Гарри.

Миссис Хелперт? А-а, это та милая старушка, от которой вечно убегает кот. Она каждый раз выглядывает из своей двери, когда я выхожу, чтобы отправиться в банк. На днях мы с ней даже немного поболтали о пользе прогулок под дождём.

Этель.

Боюсь, что вы болтали с её тенью. Её нет уже больше пяти месяцев.

Гарри.

Вот как? А что с ней случилось?

Этель (пожимая плечами).

То же, что и со всеми.

Гарри.

Да вы входите, входите... Да, видимо старушка злоупотребляла этими прогулками. ... Люди умирают, а ты и не знаешь. Казалось бы, разговаривал с ней на той неделе, а теперь выясняется, что её нет уже полгода. ... Хорошая была женщина... кошек любила.

Этель.

Я её совсем не знала. Я купила квартиру у её дочери.

Гарри.

Пожалуйста, садитесь. Извините, мне даже нечего вам предложить. Была где-то бутылка виски, но...

Этель.

Не беспокойтесь. А виски я вообще не пью... тем более днём. Можно я закурю?

Гарри.

Конечно, конечно.

(Она садится на диван, и он приносит ей большую, величиной с тарелку пепельницу. Затем он садится в кресло напротив неё и, стараясь казаться ловким и бодрым, хотя и с трудом, закидывает ногу на ногу. Этель с улыбкой смотрит на его пижамные штаны. Проследив за её взглядом, Гарри вскакивает в полном смущении.)

Гарри.

Простите, я должен снять их.

Этель.

Ну, если без них вы будете чувствовать себя свободней...
Вы живёте один?

Гарри (останавливаясь у дверей спальни).

Нет, нет!.. А впрочем, один.

Этель.

Я, почему-то, сразу это поняла.

Гарри.

А вы, миссис Брокелес, переехали сюда с семьёй?

(Гарри заходит в спальню, а Этель громко, чтобы было слышно ему, отвечает на вопрос).

Этель.

Нет, я тоже одна. А что делать?.. Мы прожили с мужем двадцать пять лет, и за все эти годы ни разу не поссорились. Наша жизнь была сплошным погожим днём без единого облачка. Вдруг его не стало, и я сразу почувствовала себя такой одинокой и несчастной. Климат Нью-Йорка мне вреден. У меня ревматизм. Придётся жить здесь, в Майами.

(Появляется Гарри. На нём лёгкий домашний костюм).

Этель.

А вы... давно здесь живёте?

Гарри.

Да. Почти с тех самых пор, как после войны приехал сюда из Польши.

Этель.

У вас кто-нибудь там остался?

Гарри.

А вы знаете хоть одного польского еврея, у которого во время войны там кто-нибудь не остался?

Этель.

Да, вы правы... А где вы жили в Польше?

Гарри.

Во Влоцлавеке.

Этель.

Во Влоцлавеке?! Боже мой, это же недалеко от Ковалья, моего родного местечка. (Оживляясь) У меня там жила тётя... тётя Рахиль. На Пасху, и осенью, на "Симхес тойре", мы с мамой обязательно ездили к ней во Влоцлавек. Какие только блюда она не готовила на праздники... Господи, как давно это было...

Гарри.

Вам нравится Влоцлавек?

Этель.

Да. Я хорошо его помню. Особенно ту часть, что ближе к пристани.

Гарри.

Я жил за рынком.

Этель.

Меня всегда удивляло, откуда там столько нищих. Каждый раз, когда мы шли за покупками или гуляли в городском саду, они просто прохода нам не давали.

Гарри (недовольно взглянув на Этель).

Да, на праздники они съезжались отовсюду... и, представьте, больше всего из Ковалья.

Этель (посмотрев на Гарри)

Возможно.

Гарри.

Ну, что же вы замолчали? Расскажите ещё. Ведь вы, как я понимаю, уехали оттуда значительно позже меня.

Этель.

Да. Сейчас, я только закурю.

(Она прикуривает новую сигарету.)

В последний раз я была во Влоцлавеке с дядей. Мой дядя славился тем, что делал замечательные хомуты. Вы не поверите, господин Бендинер, он шил хомуты для всей округи. И вот как-то раз, он взял меня с собой на ярмарку. За два дня мы продали всё. Во Влоцлавеке ведь нет хороших шорников...

Гарри (с возмущением).

Как?!.. А хромой Янкель?!.. Хотя... это было задолго до войны... Очень задолго. Ведь я уже старик, миссис Брокелес.

Этель.

Мужчина никогда не бывает стариком. Мой дядя, о котором я уже говорила, в восемьдесят лет женился на двадцатилетней девушке, и она, представьте, родила ему двоих детей.

Гарри (приосаниваясь).

Так... ну... А почему бы и нет?..

Этель.

Сейчас они все живут в Тель-Авиве.

Гарри.

Он шьёт в Израиле хомуты?!

Этель.

Нет. Он там держит брачную контору.

Гарри.

Ну что ж, это смежные профессии.

Этель.

Откуда такой сарказм, господин Бендинер? Вы что, противник браков?

Гарри.

Я три раза был женат, миссис Брокелес. Но, одну семью у меня убила война, второй - просто не получилось, а третью отнял Бог за то, что я обвинял его в той войне.

Этель.

Ваша последняя жена умерла?

Гарри.

Она это сделала дважды.

Этель.

Не понимаю.

Гарри.

Сначала, она ушла от меня.

Этель.

Конечно, глупо требовать откровенности после десяти минут знакомства, но, честное слово, я к вам чувствую большую приязнь, и...

Гарри.

Благодарю вас, миссис Брокелес. Должен признаться, что вы мне тоже очень симпатичны.

Этель.

Мне не хочется думать, что это вы были причиной разрыва.

Гарри.

И, тем не менее, это так. Я изменял ей... (Поспешно) Но, только лишь потому, что бросить такую женщину... мне и в голову не могло прийти.

Этель (с иронией).

Ах, вы решили, что вас не поняли.

Гарри.

Я любил её.

Этель.

Почему же вы не нашли пути к примирению?

Гарри.

Мне понадобилось на это двадцать четыре года.

Этель.

Не вините себя, а уж тем более Бога. Мужчина есть мужчина.

Гарри.

Боюсь, что вы так не думаете.

Этель.

Отчасти, господин Бендинер.

Гарри.

Когда я говорил о Боге, я больше думал о своих детях, миссис Брокелес. Они тоже умерли, как и их мать, моя третья жена. Сначала Билли, а потом Сильвия.

Этель.

Сильвия? Мою дочь тоже зовут Сильвией.

Гарри.

Надеюсь, она жива?

Этель.

Да. Правда, мы не всегда с ней понимаем друг друга. Даже скажу больше, - я совсем перестала её понимать. Она просто мучает меня.

Гарри.

Она осталась в Нью-Йорке?

Этель.

Представьте себе, она уехала в Британскую Колумбию и живёт там, на берегу в какой-то палатке совершенно одна. Каково?.. Честно говоря, я плохо представляю себе, где это, в Британии или в Колумбии... Если бы я могла сейчас её увидеть... Мне кажется, что теперь я знаю те слова, которых мне так недоставало в разговоре с ней.

Гарри.

Это на западном побережье Канады. У меня недалеко оттуда, в Калгари, живёт внук.

Этель.

Но вы-то хоть ладите с ним?

Гарри.

О, мы большие приятели. Он известный автогонщик, и о нём много пишут в газетах.

Этель.

Быть автогонщиком, это, наверное, очень опасно?

Гарри.

Нет... Он никогда не превышает скорость.

Этель.

Думаю, что это очень достойный юноша. Вы часто видите? Хотя... он, наверняка, очень занятой человек.

Гарри.

О да! Помимо автогонок, он увлекается географией и много путешествует. Недавно он звонил мне и предлагал съездить в Россию.

Этель.

А знаете, я была в России. Однажды, мы с мужем... (На секунду она задумывается) решили навестить моего израильского дядю, а заодно, заехать в Москву. Я вам не говорила, что мой муж родом из России?

Гарри.
Ещё нет.

Этель.
Так вот. Это было во время войны с Садамом Хусейном. Вы ничего о нём не знаете?

Гарри.
О ком?

Этель.
О Хусейне.

Гарри (удивлённо-насторожено).
А что такое?

Этель.
Муж говорил, что это очень опасный человек.

Гарри.
Я думаю, он был прав.

Этель.
Да. Мой муж всё понимал в политике. Он знал всех: Хусейна, Кастро, Горбачёва... Шварценеггера...

Гарри.
Это похвально, миссис Брокелес.

Этель.
И вот, когда мы прилетели в Москву, то оказалось, что у них переворот. Везде были танки и солдаты. Мы просто боялись выйти на улицу. Дядя кричал нам по телефону, чтобы мы немедленно покинули эту ужасную страну, и прилетели к нему в цивилизованный Израиль, пока нам не отрезали головы и не обвинили в этом других евреев. А тут ещё наш разговор дважды прерывался из-за того, что в Тель-Авиве объявляли тревогу.

Гарри.
Неужели, из-за вас?

Этель.

Нет, из-за ракетного обстрела.

Гарри.

Так вы улетели к дяде?

Этель.

В тот же день. Но, должна признаться, что мы дрожали от страха, пока самолёт не приземлился в Израиле. ...

Скажите, я не очень вам надоела своей болтовнёй?

Гарри.

Поверьте, миссис Брокелес, вы оказываете мне услугу, разделяя моё одиночество.

Этель.

Вы знаете, мне, почему-то, с вами так легко...

Может, нам действительно выпить немного виски?

Гарри.

Конечно, конечно.

(Он уходит на кухню, и вскоре возвращается с бутылкой виски и рюмками. Затем приносит шоколад и печенье).

Этель.

Ну, теперь ухаживайте за мной.

Гарри.

Я пытаюсь это делать с момента вашего появления.

(Он открывает бутылку и разливает виски)

К сожалению, нет "содовой".

Этель.

А, наплевать на эти американские штучки. Помните, как пили в Польше? Наш сосед по Ковалю Мотл-сапожник, когда ему подносили за работу стаканчик водки, так ловко опрокидывал его куда-то в бороду, что мы, дети, специально ходили на это смотреть. Потом он брал первую попавшуюся туфлю и смачно нюхал её.

Гарри.

Мне кажется, что и я это где-то видел.

(Они чокаются и выпивают. Поставив рюмки, оба замирают, вытаращив глаза. Видно, что виски они уже давно не пили. Этель снова закуривает).

Этель.

А вы помните своё детство? Чем вы занимались, когда были... чуть-чуть помоложе?

Гарри.

Учился в хедере... продавал на рынке пивок, чтобы прокатиться с кем-нибудь из девчонок на карусели. Кажется, я тогда влюблялся каждую неделю.

Этель.

Представьте, я тоже влюблялась. Правда, не показывала вида, но ухаживания принимала. Мальчишки за мной ходили табуном.

(Смотрит на Гарри).

Почему вы улыбаетесь? Мужчины и сейчас увиваются за мной, но, когда доходит до дела, выясняется, что больше всего их интересует, сколько у меня денег. Как только я слышу вопрос – "А сколько у вас денег?" - я немедленно с ними расстаюсь.

Гарри.

Вот это правильно... А сколько у вас денег?

Этель.

Я не бедна, даже – стучу по дереву – богата.

(Оба стучат по столу).

Но я не хочу, чтобы на мне женились из-за денег. ... Наливайте.

Гарри (наливая).

Слава Богу, я не нуждаюсь ни в чьих деньгах. Мне хватит, даже если я проживу ещё тысячу лет.

Этель.

Это хорошо.

(Они оба захмелели, и их охватило дурашливое возбуждение).

Я думаю, что мне тоже хватит на тысячу лет. У меня есть куча акций и всяких там облигаций... А ещё дома...

Гарри.

Какие дома?

Этель.

В Бруклине и на Стейтен-Айленде.

Гарри.
Сколько?

Этель.
Чего?

Гарри.
Домов.

Этель.
Четыре. ... Два в Бруклине и один на Стейтен-Айленде.

Гарри.
По-моему, вы насчитали уже пять.
(Поднимается и подходит к письменному столу).
Сколько же там примерно стоит сейчас земля?
(Он щёлкает костяшками счёт, потом поворачивается к Этель).
Это всё?

Этель.
Ещё наличные в банке.

Гарри.
Прекрасно.
(Некоторое время он молча смотрит на Этель)
Хотите, я покажу вам фотографию своей последней жены?

Этель.
Я сама хотела просить вас об этом.

Гарри.
Сейчас.
(Он ставит стремянку, и молодцевато поднимается по ней наверх. Под руку ему попадает большой морской бинокль и, приставив его к глазам, Гарри некоторое время рассматривает Этель. В то время как он, уже в очках, ищет фотографию, звонит телефон.)

Гарри.
Миссис Брокелес, я прошу вас, подойдите, пожалуйста, к телефону.

Этель.
А что мне сказать?

Гарри.
Скажите, что я занят. Пусть перезвонят попозже.

Этель (снимает трубку).

Алё? ... Вас слушают. ... Говорите же. ... (Кладёт трубку на рычаг).

Молчат. Видимо, ошиблись номером.

(Телефон звонит опять).

Алё? ... Да, это квартира господина Бендинера. ... Нет, господин Бендинер не может сейчас подойти. Он сидит на лестнице. ... Как? ... Верхом. ... До свидания.

Гарри.

Кто это был?

Этель.

Он не назвал себя. Какой-то очень простуженный голос. Или он чем-то подавился.

Гарри.

Вот. Нашёл!

(Он сверху показывает фотографию жены. Этель сначала пытается разглядеть фотографию издали, потом забирается к нему наверх).

Этель.

Очень милое лицо. У таких женщин должен быть ангельский характер.

Гарри.

Да-а!! Она была святой.

Этель.

Скажите, а она умела готовить? Какое блюдо ей удавалось лучше всего?

Гарри.

Гм-м, ... кнедлики.

(Они спускаются вниз).

Этель.

Какая прелесть! Вы знаете, я тоже очень люблю готовить, но, с тех пор как умер мой муж, я почти не занимаюсь этим. Давайте-ка, завтра я устрою для нас обед. Что вы любите есть на обед?

Гарри (замявшись).

Видите ли, ... я только завтракаю и ужинаю.

Этель.

Вы на диете?

Гарри.

Нет, но в моём возрасте...

Этель.

Прекратите говорить о своём возрасте. Завтра в час я буду ждать вас у себя. А вы... вот что: купите-ка бутылочку вина на свой вкус, а то от виски я катастрофически глупею, и могу наделать массу глупостей.

Гарри.

Это так не похоже на вас.

Этель.

О, вы меня ещё не знаете. Я сама себе иногда удивляюсь.

Гарри.

Вы наговариваете на себя.

Этель.

Да нет же. Вот, мы как-то с мужем... (Опять по её лицу пробегает тень) были в Испании... Вы бывали в Испании, господин Бендинер?

Гарри.

Нет, не приходилось.

Этель.

Так я вам расскажу. По праздникам там мужчины дерутся с быками. Не все, конечно, а самые ловкие.

Гарри.

Это называется «коррида».

Этель.

Вот, вы тоже знаете. Как-то в одном ресторанчике при гостинице нас познакомили с одним из этих молодых людей, который должен был участвовать в этой... ну, то, что вы сказали...

Гарри.

Корриде.

Этель.

Да, в ней. Боже, какой это был красавец! Горбоносый, глаза как угли, ни бельмеса не понимает по-английски, а сложен...

(Закатывает глаза) В меня словно бес вселился. Я кокетничала с ним напропалую и совершенно очаровала его.

Гарри.

Мне не трудно в это поверить, миссис Брокелес.

Этель.

Он заказывал непрерывно, и заставил нас перепробовать все их национальные спиртные напитки. До этого я и не знала, что "Русская водка" только называется русской, а на самом деле её родина - Испания.

Гарри.

Да? Честно говоря, я и сам заблуждался на этот счёт.

Этель.

Ну да Бог с ней, с водкой. Вы слушайте, что было дальше. Сначала всё это очень забавляло меня. И вдруг во время танца, он мне шепчет...

(Этель опасливо оглядывается, а затем, обняв одной рукой Гарри, что-то шепчет ему на ухо.)

Гарри (недоверчиво).

На английском?

Этель.

А вы думаете, он знал идиш?

Гарри.

Но, вы сказали...

Этель.

Господи, вы как ребёнок. Эти слова давно уже стали международными.

Гарри.

Надеюсь, вы дали ему достойный отпор?

Этель.

Конечно. Я сразу пошла будить мужа.

Гарри.

Неужели, ваш муж ушёл к тому времени спать, и оставил вас наедине с этим типом?

Этель.

Нет, что вы!.. Он спал прямо за столиком. Я пыталась его поднять, но он только мычал как эти быки на арене. Мне ничего не оставалось делать, как

попросить этого нахала отнести моего мужа в номер. Видели бы вы, с какой готовностью он согласился.

Гарри.

Вы не очень рисковали, миссис Брокелес?

Этель (смеясь).

Только мужем... И когда они вошли в номер, я сразу их закрыла снаружи на ключ.

Гарри.

Потрясающий ход!

Этель.

Больше того, я предупредила дежурного, чтобы он не отвечал на звонки, а дверь открыл бы только утром. Из соседнего номера, который мне дали, я ещё долго слышала испанские песни.

Гарри.

Надеюсь, на этом всё и закончилось?

Этель.

В том-то и дело, что нет.

Гарри.

Я весь во внимании, миссис Брокелес.

Этель.

На следующий день мой муж, который проспал всё самое интересное, потащил меня смотреть это представление. Наш красавец, проходя перед трибунами в расшитой золотом одежде, увидел меня и поклонился. Господи, как я волновалась, когда он остался наедине с быком... Я так переживала за несчастное животное...

Гарри.

И что же?

Этель.

А когда всё кончилось, он вдруг преподнёс мне отрезанное ухо.

Гарри.

Своё?

Этель.

Нет, быка. По-видимому, у них это считается деликатесом.

Гарри.

Как интересно вы рассказываете.

Этель.

Правда? Вы не считаете меня просто болтушкой?

Гарри.

Вы самая интересная болтушка из всех, кого я только знаю.

Этель.

Может быть, это хорошо, что я переехала именно сюда? Может быть, вам не будет в тягость, вот так, иногда, поговорить со мной?

Гарри.

Я даже не мечтал о том, что судьба преподнесёт мне такую замечательную соседку.

Этель.

Приятно было с вами познакомиться, господин Бендинер. А теперь я должна идти. Не забудьте, я жду вас завтра к обеду ровно в час.

Гарри.

Как я могу забыть об этом, миссис Брокелес?

Этель.

До свидания, господин Бендинер.

Гарри.

До свидания, миссис Брокелес.

(Гарри провожает её до дверей. У самых дверей Этель оборачивается.)

Этель.

Чао!

Гарри.

Э-э... Ари видерчи!

(Он задумчиво возвращается).

Что происходит, Гарри?!

(Квартира Этель. Накрытый, хорошо сервированный стол. Светлые стены украшены картинами. Во всём чувствуется женская рука. Сквозь открытые двери, такого же, как и у Гарри балкона, видно стоящую там Этель. Она грустно смотрит на расстилающийся перед ней город. Плечи её вздрагивают.

Раздаётся звонок в дверь. Этель поворачивается на звонок и, смахнув слёзы, идёт открывать. По дороге она останавливается перед зеркалом, поправляет на себе нарядное платье и, шлёпнув себя несколько раз по щекам, открывает дверь.

Входит Гарри с бутылкой вина в руках. На нём чёрный выходной костюм и белоснежная рубашка со старомодным галстуком-бабочкой.)

Этель

Здравствуйте, господин Бендинер. Позвольте вас спросить, почему вы посмели опоздать на свидание с дамой на целых пять минут? Вы что, попали на лестничной площадке в автомобильную пробку?

Гарри (несколько смущаясь от такого натиска).

Прошу прощения, миссис Брокелес. Этого больше не повторится. Дело в том, что я решил открыть бутылку у себя, чтобы не подвергать опасности вашу квартиру, и...

Этель

Что?

Гарри.

Мне пришлось поменять рубашку.

Этель

Хорошо, я вас прощаю, потому что сегодня у меня праздник.

Гарри.

Как? Я ничего не знал.

Этель.

Не пугайтесь. Я имею в виду наш совместный обед. Поверьте мне, что обедать одной для женщины, не потерявшей своей привлекательности, так же плохо, как... простите меня, спать одной.

Гарри.

Даже и не знаю... Чем я это заслужил?

Этель.

Ну, вы-то можете рассчитывать только на обед.

Гарри (пытаясь шутить).

И всё?

Этель (поворачиваясь к нему с вопросительно-удивлённым видом).

А?

Гарри (почувствовав неловкость).

Разве мы не будем... танцевать?

Этель.

Ну что ж, если вы... захотите.

Гарри.

Вы хотели сказать: если я смогу.

Этель

Ну вот, вы опять говорите глупости. Вы не боитесь меня разочаровать?

Гарри.

Нет. Я знаю по собственному опыту, что если говорить глупости без пафоса, то это, как правило, проскакивает.

Этель

Только не у меня. Так что, будьте осторожней. Ну, что вы стоите с бутылкой, как официант? Поставьте её на стол, наконец.

(Гарри ставит бутылку и оглядывает уставленный блюдами стол. Он поражён).

Гарри.

Боже мой! Только не говорите мне, что всё это вы приготовили сами.

Этель (довольно улыбаясь).

Не скажу, господин Бендинер. Правда, я не держу в доме прислуги, но признаюсь, что покойная тётя Рахиль просто лезла под руку со своими советами.

Гарри.

Ну что ж, если судить по внешнему виду, она знала толк в фаршированной рыбе и запеканке с фасолью.

Этель.

Посмотрим, что вы скажете, когда попробуете кисло-сладкое жаркое.

Гарри.

Не слишком ли вы расхвастались, миссис Брокелес. Кто в этом мире "хот догов" и "чизбургеров" ещё может приготовить жаркое с черносливом?

Этель.

И кнедлики!

Гарри (показывая пальцем вверх).

Неужели тётя Рахиль?

Этель.

Да. Мы с ней рискнули.

Гарри.

Невероятно! ... Вы меня толкаете на то, чтобы я нарушил несколько заповедей ещё одного небожителя.

Этель. (в притворном испуге).

Кого вы имеете в виду, господин Бендинер?

Гарри.

Моего покойного врача. Он всегда твердил: забудь о жирном, не помышляй о жареном, не ешь острого, избегай солёного...

Этель.

А от чего он умер?

Гарри.

Вы не поверите, но он скончался от ожирения.

Этель.

Бедняга! Я думаю, что нам всё-таки стоит рискнуть, хотя бы ради памяти моей тёти.

Гарри.

А как же доктор?

Этель.

А мы ему ничего не скажем.

Гарри.

Да уж, пожалуйста, не проболтайте, миссис Брокелес.

Этель

Можете на меня положиться. И быстро за стол. Перспектива голодной смерти меня прельщает ещё меньше.

(Они садятся за стол).

Разливайте вино. Надеюсь, что вас хоть немного утешит то, что я тоже буду рисковать своей жизнью.

(Гарри разливает вино, и они пьют).

Гарри (накладывая себе на тарелку).

Мы не в равном положении. У вас есть противоядие.

Этель

Боже, какой же вы зануда, господин Бендинер. О каком противоядии вы говорите?

Гарри.

О вашей молодости, миссис Брокелес.

Этель (решительно кладёт вилку на стол).

Ну, и сколько же вы мне дадите?

Гарри.

Думаю, я старше вас лет... на сорок.

Этель

Господи помилуй! Вам что, девяносто семь?!

Гарри (едва не поперхнувшись).

Кто это вам сказал?!

Этель

Вы и сказали. Вот, только сейчас.

Гарри.

Нет, нет. Я просто думал, что вам...

Этель

Ну... ну... Сорок два?..

Я не училась в хедере, но не плохо считаю. Не ставьте себя в смешное положение, господин Бендинер. Мне пятьдесят семь, и это так же точно, как и то, что вам восемьдесят два. И если вы не теряете сознание от комплиментов, то добавлю, что выглядите вы моложе.

Гарри.

Да, я знаю. На восемьдесят один.

Этель.

Если вы настаиваете...

Гарри.

Я посрамлён, миссис Брокелес. Прошу вас, не сердитесь. Давайте выпьем ещё вина.

Этель

О, нет, я не сержусь. Я никогда не кокетничала своим возрастом. Все мужчины, которые мне когда-либо нравились, были старше меня. С моим мужем – мир его праху – у нас была разница в двадцать лет, но жизнь, которую мы прожили, я могла бы пожелать любой еврейской девушке... и не только еврейской.

(Она задумывается, опустив голову. Гарри молчит.)

Этель (тряхнув головой).

Ну, всё. Хватит об этом. Давайте выпьем.

(Они чокаются и выпивают.)

Какое, однако, крепкое вино. Вам не кажется?

Гарри.

Вы знаете, я так редко пью, что мне трудно запомнить какое вино считается крепким, а какое слабым.

Этель

Редко?!.. Я вас знаю всего второй день, и два дня мы только и делаем, что пьём.

(Грозит ему пальцем).

Если вы хотите сподить меня, то боюсь, что это вам удаётся.

(Гарри делает попытку налить ей ещё, но она отодвигает бокал).

Нет, нет. Мне надо прийти в себя.

Гарри.

Такой прекрасный стол не может обойтись без вина.

Этель.

Наконец-то вы похвалили меня.

Гарри.

До вас я ещё не дошёл. Пока это касается только тёти Рахиль.

Этель

Вы мне определённо нравитесь, господин Бендинер.

Гарри.

Я второй день пытаюсь вам доказать, что стою вашего внимания, миссис Брокелес. Но скажите, откуда вы узнали, что мне...

Этель

Восемьдесят два?

Гарри.

Вот именно.

Этель

Всё не так уж сложно, как вам кажется. На той огромной пепельнице, что вы мне столь любезно дали вчера, было написано: "Дорогому Гарри в день восьмидесятилетия, от Марка" и стояла дата.

Гарри.

Ну ты подумай! А ведь действительно просто.

Этель

Вы что, ещё недавно были заядлым курильщиком?

Гарри.

Да нет. Марк до сих пор думает, что это - салатница. А курил я последний раз, ещё мальчишкой. Мы с приятелем сидели в лопухах за синагогой, когда отец схватил меня за ухо. Это случилось вечером, в святую субботу, и я ещё сутки мучился в ожидании наказания. Зато на следующий день я получил сполна. О, говорят, что послушать, как я кричал, для острастки приводили каторжников из городской тюрьмы.

Этель (смеясь).

Господи, вы рассказываете такие смешные вещи.

Гарри.

Вы так считаете?

Этель

Конечно.

Гарри (ест).
Божественные кнедлики!

Этель.
Ага?

Гарри.
Думаю, что Марк тоже оценил бы их.

Этель.
А кто он, этот чудак Марк?

Гарри.
Это мой помощник или... секретарь, если хотите. Мы вместе приехали из Польши. Он чудом выжил там, в Варшавском гетто. Пять поколений его предков были раввинами, а он стал маклером. Марк - единственный на этом свете, кто ещё заботится обо мне.

Этель
А внук? У вас же есть замечательный внук.

Гарри.
Простите меня, миссис Брокелес, я обманул вас. Мой внук не хочет даже и слышать обо мне.

Этель
Вот-вот... я подозревала это. Вы не казались мне убедительным вчера. ... И знаете, я была уверена, что вы скажете мне правду, обязательно скажете. Ведь это легче – говорить друг другу правду. Да?

Гарри (помолчав).
Я очень рад, что вы переехали сюда, миссис Брокелес.

Этель.
А я хочу повторить то, что сказала вчера: мне очень легко с вами, господин Бендинер...
Ну что ж, теперь наливайте. У меня, кажется, перестало шуметь в голове.

Гарри (наливая вино).
По-моему, вино действительно крепковато.

Этель (сделав несколько глотков).
Я вспоминаю, как в Польше, когда я уже стала молоденькой пани, по праздникам мы устраивали с подругами вечеринки. И знаете, что делали

наши кавалеры? (Этель начинает хихикать) Они, так чтобы мы не видели, добавляли немного самогона в сухое вино, которое мы пили.

Гарри (испуганно).
Зачем?

Этель.
Ну, как вы не понимаете? Они хотели нас подпоить, чтобы мы были более... как бы это сказать... более доступны.

Гарри.
Вот мерзавцы!

Этель
Нет, это были славные ребята. Они напивались ещё раньше нас.

Гарри (вставая; торжественно).
Миссис Брокелес, я прошу вас выслушать меня...
То, что я сейчас скажу, может не понравиться вам, но молчать об этом я больше не могу.

Этель
Боже, вы меня пугаете, господин Бендинер... Ну, говорите же.

Гарри.
В это вино я добавил вчерашнее виски!

(Этель, открыв рот, замирает с бокалом в руке. Потом она начинает хохотать. На глаза у неё наворачиваются слёзы. Она роняет бокал на пол, и тот разбивается.)

Этель (едва выговаривая от смеха).
Зачем?!

Гарри.
Я... я подумал...

Этель (смеясь).
Ну... что же... что вы подумали, господин Бендинер?

Гарри.
Я подумал, что вы выпьете... и мы... и нам будет легче подружиться.

Этель (постепенно успокаиваясь и лишь иногда выплёскивая фонтанчики смеха).

Ну вот... теперь-то... теперь мы обязательно будем с вами дружить.

(Она берёт его за руку.)

Ну-ка, опустайтесь на пол и помогите мне собрать осколки. Это из-за вас я разбила бокал.

(Гарри покорно опускается на пол. Некоторое время они молча собирают осколки. В какую-то секунду Этель опять раздражается приступом смеха, но вскоре становится серьёзной.)

Гарри.

Вы не сердитесь, что...

Этель (стоя на коленях напротив него).

Замолчите. Теперь я хочу вам кое-что сказать; надеюсь, вы поймёте меня правильно.

Гарри (так же вставая на колени).

Что вы имеете в виду?

Этель.

Вы очень напоминаете мне моего мужа.

(Они молчат. Потом Этель высыпает осколки на блюде.)

Вставайте, мы будем танцевать. Когда вы говорили о танцах, за язык вас никто не тянул. У меня есть несколько записей, которые напоминают мне о моей юности.

(Этель включает магнитофон. Звучит тихая еврейская песня. Они медленно танцуют.)

Этель

Я хорошо жила с мужем. Я всё у него могла попросить: луну, звёзды, ему ничего не было жалко для своей Этели. Вот почему, когда он умер, мне стало так тяжело. Я потратила целое состояние на психиатров – без всякого толку. Я семь месяцев провела в психиатрической клинике...

У меня был нервный срыв, мне не хотелось жить. Врачам приходилось следить за мной день и ночь. Мне казалось, что он зовёт меня из могилы.

(Музыка замирает. Они стоят посередине комнаты.)

Вы так напоминаете мне моего мужа.

Гарри.

Мне восемьдесят два года. Если бы я был лет на десять моложе, я бы сделал вам предложение.

(Этель поднимает голову и смотрит ему в глаза).

Этель

Раз уж я решила жить дальше, я приму вас таким, какой вы есть.

(Они долго стоят молча).

Гарри.

Миссис Брокелес, я хочу спросить... Я заранее прошу прощения...

Этель.

Не надо. Я знаю, что вы сейчас скажете. Вы спросите меня, хорошо ли я подумала, прежде чем... или, что ещё ужасней, не боюсь ли я...

Гарри.

Нет-нет... то есть, да... но потом. А сейчас...

Этель.

Что?

Гарри.

Я хотел спросить... Можно я ещё немного поем?

Этель.

Боже мой! Простите меня. Я совсем забыла о своей роли хозяйки.

Гарри.

Видите ли, когда я волнуюсь, меня охватывает острое чувство голода. Мне очень неловко, но, увы, это сильнее меня.

Этель.

Садитесь, садитесь. Меня умиляет эта ваша маленькая слабость.

Гарри.

Должен признаться, что эта слабость у меня из самых невинных.

(Они садятся за стол.)

Этель.

Что вам положить? Вы пробовали форшмак?.. Или... ещё кусочек рыбы? Когда я её готовила, то старалась не класть туда много специй.

Гарри.

Вы тогда думали обо мне?

Этель.

Нет, я думала о рыбе.

Гарри (накладывая всё подряд).

Я никак не могу с собой справиться. Подобное со мной было, кажется, года три назад.

Этель.

В тот день вы тоже сделали кому-то предложение?

(Этель, подставив ладонь под подбородок, с удовольствием смотрит, как он ест.)

Гарри.

Если бы... Я почти час просидел в сломавшемся лифте.

Этель.

О, я представляю, как вам хотелось там есть.

Гарри.

Что?.. Ах, да... и есть тоже.

Этель.

Наливайте-ка ваш коктейль, господин Бендинер. Сейчас я принесу десерт.

Гарри.

Если вы скажете, что у вас на десерт...

Этель (уходя на кухню).

Струдель.

Гарри.

Невероятно!

(Этель приносит рулет.)

Этель.

Ну, о чём теперь вы задумались?

Гарри.

Мне трудно поверить в то, что сейчас происходит. У меня такое впечатление, что Бог играет со мной.

Этель.

Почему?

Гарри.

Мне кажется, что я уже видел это. Во сне или в бреду, но видел. Я слышал ваш голос... Я ел из ваших рук...

Зачем ему это? Чтобы опять внезапно разбудить меня? Неужели, я недостаточно наказан за свои грехи?

Этель.

Нет-нет, это знак его милости. Это прощение грехов, господин Бендинер.

Гарри.

А если это так, миссис Брокелес, то... что это для вас? Я всё-таки задам этот дурацкий вопрос: вам не страшно?

Этель.

Хорошо. Я не буду вас спрашивать, что вы имеете в виду. Вы правы, лучше сказать все эти слова сразу. Да, я знаю, что меня ждет, и хочу этого. Со мной вы долго проживёте. Я обещаю, что вы доживёте до ста лет, а может, и больше. Вы и представить себе не можете, как я буду заботиться о вас. ... Вам стало легче?

Гарри.

Вы имеете в виду голод?

Этель.

Нет.

Гарри.

Легче. Но теперь, я ещё больше боюсь проснуться.

Кстати, ваша спальня, кажется, там?

(Гарри показывает на одну из дверей.)

Этель.

Там-то, там, но...

Гарри.

Всё правильно. Наши спальни разделяет кирпичная стенка. Мне это ещё вчера пришло в голову. Я подумал, что если эту стенку разобрать...

Этель.

Но... позвольте, господин Бендинер, как это вам могло прийти в голову вчера, если только сегодня...

Гарри (испуганно).

А я разве сказал "вчера"?

Этель.

Да, и довольно отчётливо. У вас хорошая дикция.

Гарри (виновато).

А... это очень важно, что... "вчера"?

Этель (пытаясь скрыть улыбку).

Ну... во всяком случае... удивительно, что не сегодня.

Гарри (вставая).

Миссис Брокелес, я должен признаться в том... что я... Гарри Бендинер... старый похотливый лис...

(Заканчивает без пауз, почти скороговоркой)

вчера весь вечер думал об этой проклятой стенке. Я её трижды разбираю по кирпичику и складывал опять.

Этель.

Господи! Сколько бесполезной работы. Уж, лучше бы, оставили разобранной.

Гарри (удивлённо смотрит на Этель).

Вы так считаете?

Этель.

Конечно. А впрочем, мы купим себе ещё квартиру. Где-нибудь в Тель-Авиве, или в Тиверии. Говорят, что в Тиверии есть горячие источники, которые лечат ревматизм. Хотя, можно жить и в Париже. ... Вы знаете, сколько у меня денег?

Гарри.

Откуда ж мне знать? Около миллиона, я думаю. А?..

Этель.

Больше двух.

Гарри.

Плюс моих четыре.

Этель (закидывая руки за голову).

Ого! Что же мы будем делать с этими деньгами?

Гарри.

Да уж придумайте что-нибудь, миссис Брокелес.

Этель.

А вы готовы довериться мне в том, как я распоряджусь ими?

Гарри.

Безоговорочно.

Этель.

А если я предложу... сыграть на них в рулетку? Что вы на это скажете?

Гарри (клятвенно).

Ни-че-го... Но и денег не дам.

Этель.

Слава Богу! Я не хочу выходить за транжиру.

Гарри.

Мы бы могли играть с вами в подкидного. На деньги.

Этель (оживляясь).

Лучше, в лото. По пять центов.

Гарри.

Не очень это расточительно?

Этель.

В самый раз. Мы всегда с мужем...

(И опять по её лицу пробегает тень).

Нет. Я знаю. Мы будем путешествовать. Я вам говорила, что мы с мужем объездили почти весь мир? Это безумно интересно. Испания... Нет, в Испанию мы не поедем.

Гарри.

Да. Вы не любите бычьи уши.

Этель.

Непременно съездим в Париж. Я вам покажу Париж, как мне его показывал мой муж. Вечером мы поднимемся на Эйфелеву башню, и будем смотреть на этот чудный город сверху...

Гарри.

Миссис Брокелес... если вы не шутили... Нет, я не то говорю. Если уж мы решили, что... Мы должны как-то... (Решительно) Мы должны сделать это.

Этель (вставая и делая шаг к нему).

Да, да, я поняла.

(Некоторое время они стоят, потупив головы, и почти касаясь ими друг друга. Первым поднимает голову Гарри.)

Гарри.
Этель!

Этель.
Гарри!

(Он заключает её в свои объятия, и они целуются. Вскоре Этель отрывается от него и, словно в болевом шоке, приложив тыльную сторону ладони ко лбу, замирает, отвернувшись к балкону.)

Гарри.
Что-нибудь не так, миссис Брокелес?

Этель.
Простите, господин Бендинер, мне сейчас нужно побыть одной.

Гарри.
Да, я понимаю. Когда мы теперь увидимся?

Этель.
Не знаю. Может быть, завтра. Я вам позвоню.

Гарри.
Мой номер вы найдёте в телефонном справочнике.

Этель.
Простите меня.

Гарри.
Благодарю вас за обед. За всё.
(Он сам открывает дверь и уходит.)

* * *

(Квартира Гарри. Марк сидит за письменным столом и разговаривает по телефону. Из кухни слышен голос Гарри. Он что-то напевает.)

Марк.

Что?.. Говори громче, Голда... Тебе пришлось заплатить такие деньжищи Мейтельсу? ... Боже мой! Как портятся люди. ... Ты это мне?.. Ха-ха! (смеётся) Прямо ему в бесстыжие глаза? ... Чуть тише, Голда, его лавка недалеко отсюда. ... Да я его теперь знать не хочу, если ему это интересно. ... Ну, что ж, будем покупать фасоль только у Залманов. ... Он забыл, что наши девочки играли Шопена на похоронах его тёщи. Он не думает о будущем. Он считает, что будет жить вечно. ... Не волнуйся, я берегу себя, Голда. ... Жилет?.. Конечно на мне. (Слушает) Я пытаюсь это выяснить, (прикрывает ладонью трубку) но, он молчит как зарезанный. ... Кто поёт? (Оглядывается на дверь кухни) Это Гарри. ... Зачем врача? ... Да, Семён Герчик мой друг, но он проктолог, Голда. Это совсем другой случай... Да, зайду... Посмотрю... Приценюсь... Пощупаю... Поторгуюсь... Думаю, сбросит... (Удивлённо) Всё равно не брать?! ... Как скажешь, Голда. Я позвоню.

(Из кухни выходит напевающий Гарри с чашкой чая в руках. На нём рубашка и брюки со спущенными подтяжками.)

Гарри (притворно - удивлённо)

А, это ты, Марк?

Марк.

Час назад ты меня уже спрашивал.

Гарри.

И что?

Марк.

Я сознался.

Гарри (садясь на диван).

Давай всё-таки разберёмся. Ты говоришь, что дважды звонил мне вчера по телефону, и оба раза подходила женщина. Так?

Марк.

Ну, зачем начинать всё с начала?

Гарри (дурачась).

Нет, ты ответь, подходила женщина?

Марк.

Не знаю. Может быть, подходил и мужчина, но говорил он женским голосом.

Гарри (нарочито возмущенно).

Ты на что намекаешь, Марк? Видя, как ты измучен подозрениями, я уже готов был пожертвовать своей безупречной репутацией женоненавистника, но такого обвинения я принять не могу.

Марк.

Перестань, Гарри. Я же вижу, что ты валяешь дурака.

Гарри.

Я склоняюсь к мысли, что вчера ты перебрал лишнего. А?.. Ну-ка, сознавайся.

Марк.

Слава Богу, что этого не слышит Голда. Первый и последний раз я выпил на нашей свадьбе. Так она до сих пор видит в этом причину того, что наш первенец Фроим так и не научился играть на скрипке.

Гарри.

А может, она права?

Марк.

Перестань, Гарри. Ты сорок лет знаешь Фроима. Это очень способный мальчик. После того, как напечатали его работу по теории шахмат, сам Бобби Фишер прислал ему письмо. Я помню, как ещё сидя на горшке, он играл с гостями в шахматы.

Гарри.

Но, ведь не на скрипке.

Марк.

Я уже устал от твоих шуток. Ты мне лучше скажи, давно ли ты начал курить?

Гарри.

Что ты имеешь в виду, Марк?

Марк.

Я имею в виду вон те сигареты, что лежат на журнальном столике.

Гарри.

Эти? Да, действительно... А ты их мне, случайно, не подбросил?

Марк.

Всё, Гарри, теперь тебе не отвертеться. Кто у тебя был?

Гарри.

Придётся рассказать, пока у тебя не разыгралось твоё извращённое воображение. Меня посетила дама.

Марк.

Зачем?

Гарри.

Господи, Марк, это так не по-еврейски задавать вопросы в лоб.

Марк.

Прошу тебя, не мучай меня, Гарри.

Гарри.

Эта женщина зашла, чтобы познакомиться со мной.

Марк.

Я понял, ты дал объявление в брачную газету.

Гарри.

Ты думаешь, что говоришь?!

Марк.

Тогда, почему ко мне не приходят знакомиться женщины?

Гарри.

Трудно сказать. Попробуй поговорить об этом со своей Голдой.

Марк.

Это не честно, Гарри. Я всегда был с тобой откровенен в подобных вопросах.

Гарри (удивлённо).

Когда?! Что-то я не припомню.

Марк.

А разве я не рассказывал тебе, как сбежал с урока, чтобы подглядывать за девчонкой, которая купалась в пруду?

Гарри (заинтересованно).
Так-так... Ну?..

Марк (многозначительно).
Вот!

Гарри (пряча улыбку).
Это страшный грех, Марк. Ты, как правоверный еврей и сын раввина, должен был рассказать об этом Голде.

Марк.
А я и рассказал. Это же она и купалась.

Гарри (смеясь).
Ты вогнал меня в краску этой историей.

Марк (нетерпеливо).
Ну, теперь твоя очередь.

Гарри.
Нет, у нас всё было значительно приличней. Мы пили виски и разговаривали.

Марк.
Виски? Утром?!

Гарри.
Мне больше нечего ей было предложить.

Марк.
А о чём вы говорили?

Гарри.
Так, ни о чём. Вспоминали Польшу. Кстати, она говорит на идиш.

Марк.
Она еврейка?

Гарри.
Чтобы в этом убедиться, достаточно было попробовать её кнедлики.

Марк.
Не понимаю. Она что, приходила со своей закуской?

Гарри.

Да нет же, Марк, нет. Кнедлики я ел сегодня, когда обедал у неё.

Марк.

Ах, ты ещё и обедал у этой женщины?!

Гарри.

Да. И после обеда сделал ей предложение.

(Поражённый Марк некоторое время молчит.)

Марк.

Ты разыгрываешь меня, Гарри.

Гарри.

С какой стати? Я действительно собираюсь жениться.

Марк (чуть не плача).

Да откуда она хоть взялась-то?

Гарри.

Как? Разве я тебе не говорил? Она - моя соседка.

Марк (изумлённо).

Ты женишься на миссис Хелперт?!.. Ну что ж, она хорошая женщина. Всего лет на десять старше тебя.

Гарри.

У нас с тобой разные вкусы. И потом, как я могу жениться на миссис Хелперт, если она умерла полгода назад?

Марк.

Ну, и что?

Гарри.

Я не знаю, что сказать тебе в ответ.

Марк.

Как умерла?

Гарри.

Скончалась... Почила в бозе... Отдала Богу душу. И вообще, причём здесь миссис Хелперт? Мою невесту зову Этель Брокелес.

Марк (бьёт себя по лбу).

Гарри, я понял... ты женишься на своей новой соседке!!!

Гарри.

Тебе это кто-то подсказал, Марк.

Марк (кричит).

Гарри, ты женишься, Гарри!!! Надо, чтобы об этом узнали все. Сейчас я позвоню Голде.

(Он снимает трубку и замирает)

Ты не помнишь первую цифру? (Опять кладёт трубку.) Ладно, потом. Если бы ты знал, как я рад за тебя, Гарри, если бы ты знал...

(Вдруг он останавливается)

А... ты хорошо её знаешь? Может быть она...

Гарри (задумчиво).

Я знаю её... как тебя, Марк. Нет, даже лучше.

Марк.

Что, ещё с Польши?

Гарри.

Вот именно. С тех пор, как я стал ходить в хедер. ... Да, с тех пор.

(Тихо звучит музыка.)

Она всегда была где-то близко... Веришь ли, каждый раз, когда я вставал под хупу, она была рядом со мной. ... Я всегда думал о ней. ... Она умирала вместе с моими жёнами и... оставалась жива.

Не смейся надо мной, Марк. Это почти невозможно объяснить, но...

В общем, наконец, я ей сделал предложение.

Марк.

Боже мой! Ты ведь сейчас не шутишь, Гарри?

Гарри.

Я никогда не был так серьёзен.

Марк.

Расскажи, расскажи мне о ней, прошу тебя.

(Музыка становится громче).

Гарри.

О, она прекрасна, Марк. Нет женщин равных ей по красоте. ...

Её зубы – как белые двойни ягнята, вышедшие из купальни, и ни на одном из них нет порока. Её щеки, – точно половинки граната под тёмными кудрями. ... Она похожа на всех, когда-то любимых мной, и лучше их. ... Её волосы - как овечьё стадо, сходящее на закате с горы Галаадской. ...

Марк (растроганно).
Она похожа на мою Голду.

Гарри.
Она похожа на всех женщин мира, и лучше их, Марк.
Её глаза глубоки как Есевонские озёра...

Марк (едва сдерживая слёзы).
Я узнал её, я узнал её, Гарри. Она послана тебе Богом.

Гарри.
Я боюсь в это верить, Марк. Я уже слишком близок к Всевышнему, чтобы он заметил меня в этом мире.

Марк.
Нет, нет, Гарри. Ты любишь, значит, Бог в твоём сердце. Он снова дарит тебе этот мир, чтобы ты согревал его своей любовью. Как жаль, что я не умею говорить так же красиво, как наш раввин Мойше...

Гарри.
Ты был бы лучшим раввином в мире, Марк. Как хорошо, что ты со мной в эти минуты.

Марк (стараясь скрыть слёзы).
Я знал, Гарри, что так будет. Слова Соломона стали твоими. Ты любишь, Гарри. Ты соединяешь воедино Бога и мир. Не зря я молился за тебя каждую Субботу. Я вижу, что Он - в тебе. Теперь я спокоен. Мы с Голдой уедем, но Он не оставит тебя.

Гарри (с иронией).
А разве вы не возьмёте Его с собой?

Марк.
Не шути, Гарри. Разве то, что случилось между тобой и этой женщиной, не лучшее подтверждение моих слов?

Гарри (с улыбкой обнимая Марка).
С чего ты взял, Марк? Честное слово, между нами ничего не было.

Марк (сморкаясь в платок).
Стыдись! Я не это имел в виду.

Гарри.
А может быть ты и прав, Марк, и Он действительно во мне. Вчера, когда мы решили жить вместе и обнялись... ты знаешь, я почувствовал... желание.

Марк (испуганно).

Будь осторожен, Гарри. Избыток адреналина может навредить тебе.

Гарри (улыбаясь).

Что же ты предлагаешь?

Марк.

Может быть, Семён Герчик какое-то время подежурит около тебя? Он хоть и проктолог, но...

Гарри.

Марк, ты невозможен. Слава Богу, что нас никто не слышит. Ладно, оставим это. Я вот о чём подумал... а вдруг, эта свадьба будет последней в моей жизни? Надо бы сделать её такой... такой, чтобы... А? Может быть, ты возьмёшь это на себя?

Марк (загораясь).

Боже ж ты мой! Конечно, Гарри, конечно! Кто делает это лучше меня? Ох, какую мы устроим свадьбу! Какую свадьбу! Мы пригласим на неё всех евреев города, всех без исключения... Всех, кроме Мейтельса...

Ты можешь себе представить столько евреев не на кладбище? Когда они будут кричать "мазлтов", то будет слышно даже в Израиле.

Гарри.

Знаешь что, Марк, давай выпьем. Давай выпьем за нас. Чтобы всё было так, как ты говоришь.

Марк.

Давай, Гарри... Только... мне нельзя. Моя Голда...

Гарри.

Вы что, хотите родить ещё одного гения?

Марк.

Перестань. Я уже полгода не думаю об этом.

Гарри.

Тем более. Должны же мы устроить мальчишник перед свадьбой. Неси, неси рюмки.

Марк.

Но, Гарри...

(Он машет рукой, и идёт на кухню за рюмками. Гарри достаёт из шкафа уже знакомую бутылку виски, и разливает.)

Марк.

Только по одной. Лехаим, Гарри.

Гарри.

Лехаим, Марк.

(Они пьют. Поставив рюмку, Марк прислушивается к своим ощущениям. Наконец, на его лице расплывается улыбка.)

Марк.

Вкусно. Похоже на анисовые капли от кашля.

Гарри (довольно глядя на Марка).

Пожалуй, я налью тебе ещё только одну.

Марк (махнув рукой).

Наливай, Гарри. Где одна, там и две.

Гарри (наливая).

Я хочу выпить за твою Голду.

Марк.

Нет, за Голду выпьем потом. Сейчас я хочу выпить за твою Суламифь.

Гарри.

Спасибо, Марк.

(Они выпивают).

Марк.

Ну, когда, когда ты меня с ней познакомишь?

Гарри.

Честно говоря, я боюсь её знакомить с таким ловеласом, как ты.

Марк.

О, сейчас я уже не тот... Вот до войны... Я тебе рассказывал, как однажды сбежал с урока, чтобы подглядывать за девчонкой, которая купалась в пруду?..

(Звонит телефон.)

Гарри.

Это может быть она.

(Снимает трубку. В его голосе чувствуется игривость.)

Алё-о-о? Бендинер слушает. ... (Сразу меняя тон) Чёрт бы тебя побрал, Алоиз. Я уже говорил тебе, что в этом доме только один Бендинер. Что ты каждый раз выясняешь, Гарри это или не Гарри. ... Что ещё за петушиный голос?.. А, это что-то с телефоном. Вон, Марку вчера даже показалось, что трубку сняла какая-то женщина... Вот именно, откуда ей взяться...

(Гарри начинает переминаясь с ноги на ногу)

Ну, так выкладывай... Если неудобно, то и не проси. ...

(Пока Гарри разговаривает, Марк тайком наливает себе рюмку и пьёт).

Что? Ты хочешь разорить старика Гарри?

(Слушает пританцовывая.)

Ах, вот как? ... Да, это может получиться. Но, Алоиз, ты же понимаешь, что мне не стоит затевать долгосрочные проекты.

(Он уже еле терпит.)

Шесть лет? ... Ну что ж... вчера мне обещали, что я доживу до ста. ... Ты, вот что, обсуди-ка лучше все детали с Марком.

(Он кладёт трубку на стол, и собирается бежать в ванную, но, видимо, Алоиз ещё что-то говорит, и он опять поднимает её.)

Гарри.

Извини, Алоиз, но у меня выработался определённый рефлекс на твой голос. Я даю трубку Марку.

(Он сует трубку опьяневшему Марку и бежит в ванную.)

Марк.

Алё? Кто это? ... Какой Алоиз? ... Какого ещё Марка? ... Вы куда звоните? ... А, это ты Алоиз?.. Ну, так это я, Марк. ... Знаешь что, позвони мне завтра в контору... Часа в три... утра.

(Марк кладёт трубку. Из ванной выходит Гарри.)

Марк.

Боже, Гарри, какую мы устроим свадьбу! Я скажу Фроиму, чтобы он пригласил Фишера. Ты же придёшь посмотреть на Бобби Фишера, Гарри?

Гарри.

Ещё бы, Бобби хороший парень.

Марк.

Фроим сказал, что в мире уже нет евреев, кто бы мог с ним играть в шахматы на равных.

Гарри.

Наверно, Фроим прав.

Марк.

А как будут играть мои девочки. Как они будут играть!

Гарри.

В шахматы?

Марк (удивлённо посмотрев на Гарри).

Зачем? Они будут играть на скрипках. Весь оркестр забудет про свои инструменты, и будет слушать только их. Мейтельс умрёт в своей лавке от зависти. А ты будешь танцевать. Ты ещё помнишь, как танцуют на еврейских свадьбах?

(С трудом поднявшись, Марк начинает пританцовывать.)

Ну, Гарри...

(Звучит еврейская свадебная музыка. Гарри, смеясь, смотрит на танцующего Марка. Наконец, не выдержав, и, сначала медленно, а потом всё убыстряя темп, начинает отплясывать вместе с Марком).

Гарри.

Мы ещё о-го-го!

Марк.

Мы ещё спляшем!

(Вдруг, выделявая какое-то замысловатое "па", Гарри нагибается и хватается за поясницу. Музыка замирает.)

Марк (сразу становясь трезвым).

Что?! Что с тобой, Гарри?! Тебе плохо?!.. Держись за меня... Сейчас, сейчас...

(Он с трудом, почти несёт Гарри к дивану.)

Разве можно так... без репетиций... Да скажи хоть что-нибудь.

Гарри (тяжело дыша).

Я помню, Марк. Я не забыл.

(Марк усаживает его на диван и заботливо подкладывает под спину подушки.)

Марк.

Господи! Я еле тебя дотащил. Какой же ты тяжёлый, Гарри.

Гарри.

А если бы я ещё не был обрезан?

Марк (смеясь)

Боже ж ты мой!

Гарри.

Ты что?

Марк.

Я представил себе, что это всё увидела моя Голда.

Гарри.

Нам надо выпить кофе.

Марк.

Сиди, сиди. Я сейчас всё сделаю.

(Он направляется на кухню.)

Гарри.

Марк...

Марк.

Что, Гарри?

Гарри.

Давай Мейтельса тоже пригласим на свадьбу.

Марк.

Ты святой, Гарри... Просто святой. Хорошо... Я спрошу об этом мою Голду.

(Марк уходит и Гарри остаётся один. Звонит входной звонок. Гарри тяжело встаёт и, надев пиджак, открывает дверь. Входит миссис Адамс.)

Адамс.

Мистер Бендинер?.. Здравствуйте. Прошу прощения за беспокойство, но среди своей почты я опять нашла письмо на ваше имя. Могу я отдать его вашему помощнику? Господин Терцивер... он здесь?

Гарри (оглядываясь на кухонную дверь). Господин Терцивер?.. Гм... А не проще передать письмо прямо мне?

Адамс. Ах, да, конечно. (Передавая письмо) Я об этом как-то не подумала.

Гарри.

Благодарю вас... миссис Адамс, кажется? Мне, право, неудобно перед вами. Моему секретарю обещали, что наведут в этом деле порядок.

Адамс.

Какое-то странное письмо. Без марки.

Гарри (беря у неё письмо).

Ещё раз благодарю вас. Я разберусь.

Адамс (ей явно хочется поговорить).

Вы слышали, какие дела творятся у нас в доме?

Гарри.

Нет. А что такое?

Адамс.

Не успела к нам в дом переехать какая-то ненормальная, как тут же выбросилась из окна.

Гарри (в ужасе).

Кто?

Адамс.

Ваша соседка по лестничной площадке.

Гарри.

Боже всемогущий, смилуйся надо мной.

Адамс.

Что с вами, господин Бендинер?

Гарри.

Где она?

Адамс.

Её увезли.

Гарри.

Мёртвую?

Адамс.

Да.

Гарри.

О, Господи!

Адамс.

Это уже третий случай здесь. В Америке люди сходят с ума. Вы знаете...

Гарри (перебивая).

Пожалуйста, оставьте меня.

Адамс (испуганно).

Да, да, конечно. Извините,

(Гарри закрывает дверь и тяжело идёт к дивану. Некоторое время он сидит, уставившись в одну точку. Потом достаёт очки и, распечатав конверт, читает письмо...)

(Напевая, входит Марк с подносом, на котором стоят чашки с кофе.)

Марк.

Кто-то заходил, Гарри? ... Ты что молчишь? ... Это была твоя невеста?..

(Гарри не отвечает. Испуганный Марк берёт у него из рук письмо.)

Марк (читает).

"Дорогой Гарри, простите меня. Я должна была уйти к мужу..."

Ну вот, видишь, она сходит к му...

(Марк вдруг замирает. Потом опять подносит близко к глазам письмо.)

"Если Вас это не слишком затруднит, прочтите по мне Каддиш.

Я буду там молиться о Вас.

Этель."

(Марк поднимает заплаканное лицо.)

Этого не может быть!

(Квартира Гарри. Во всём чувствуется предшествующий отъезду беспорядок. Посреди комнаты стоят чемоданы. На диване полулежит Марк. Горло у него замотано тёплым шарфом. Грудь, по-старушечьи, крест на крест перевязана женским платком. Гарри что-то пишет.)

Гарри.

Скажи, Марк, когда ты перевёл деньги для фирмы Алоиза?

Марк (кашляя).

Сразу же после... Ещё тогда, два месяца назад.

Гарри.

О.К. Скажешь ему, что я свяжусь с ним и, если нужно, оплачу второй этап сделки.

Марк.

Хорошо, Гарри. Только следи за акциями пароходной компании. По-моему, они тоже что-то затевают.

Гарри.

Пусть затевают. Я думаю, что Алоиза не так-то просто провести.

Марк.

Пожалуй, ты прав.

(Гарри встаёт из-за стола.)

Гарри.

Ну вот, кажется всё. Вот здесь, Марк, чек на твоё имя. (Он протягивает Марку конверт) Я хотел отдать его перед твоим отъездом, но, как видишь, уезжаю раньше тебя... Это для всей вашей семьи. Чтобы вы не бедствовали там, в Израиле.

Марк.

Гарри...

Гарри.

Молчи, Марк, молчи. Ты и сам не представляешь, скольким я обязан тебе.

Марк.

Но, ты многое задумал, Гарри. Кто знает, что ещё ждёт тебя там, впереди. О нас ли с Голдой тебе думать сейчас?

Гарри.

Не то, не то ты говоришь, Марк.

Марк.

У тебя есть твой внук Лео...

Гарри.

И Сильвия, дочь Этели.

Марк.

Да, Сильвия. Как ты будешь искать её в этом огромном мире?

Гарри.

Не такой уж он и большой. Главное, знать, что ты ищешь. И потом, не забывай, что со мной будет мой внук. Теперь, мы часто болтаем с ним по телефону. И знаешь, что он мне сказал в последний раз, когда я завёл разговор о Сильвии?

Марк.

Что же сказал тебе этот замечательный шалопай?

Гарри.

Подожди, я где-то записал его слова.

(Он роется в карманах и, наконец, достаёт какой-то листок.)

Ага, вот.

(Читает).

"Хо-хо..."

Марк.

Что это значит?

Гарри.

Хо-хо – это он так смеётся. Не перебивай.

(Опять смотрит в листок)

"Хо-хо, я балдею, что у меня есть такой ненормальный дед. Никогда не думал, что у евреев могут быть внебрачные дети. Мы разыщем их всех, старина".

Марк.

Он думает, что Сильвия твоя дочь?

Гарри.

Важно, что я её считаю своей дочерью. И мы обязательно найдём её. Мы объедем всё побережье и найдём её.

Марк.

Вы найдёте её, Гарри.

Гарри.

Мне это очень нужно, Марк, мне и... Этели. Может быть, тогда мне удастся понять что-то очень важное, что так мучило её. Что-то такое, чего нам, может быть, не хватает в жизни.

(Марк опять начинает кашлять.)

Тебе следует внимательней относиться к своему здоровью. Ты уже не мальчик... да и юношей я бы назвал тебя с очень большой натяжкой.

Марк.

Увы, Гарри, это так. Как меня угораздило заболеть прямо накануне отъезда? Уже несколько раз звонили из Тель-Авива. Там ждут нас.

Гарри.

Ну вот, видишь, ты переполошил весь Израиль. Как они ещё Пасху не отменили из-за тебя?

Марк.

Я люблю, когда ты шутишь, Гарри.

Гарри.

Какие уж тут шутки? Надеюсь, твой проктолог не ошибся в диагнозе?

Марк.

Нет, Гарри, это действительно обыкновенная простуда. Немного воспалилось горло.

Гарри (с иронией оглядывая Марка).

Ну-ну, хотел бы я знать, как он ухитрился это рассмотреть?

(Помолчав).

Ты опять ходил на кладбище, Марк?

Марк.

Да. Я ещё раз хотел попрощаться с ними. Как хорошо, Гарри, что ты решил похоронить Этель рядом с Розалией. Пусть они лежат вместе.

Гарри.

Господи, Марк, ведь ты же не знал Этели!

Марк.

Ты действительно так думаешь? Разве не она была той, которую ты любил?.. Как же я могу её не знать, Гарри? Её с голубиными глазами. Её, ту, которая лилия между тернами... У неё тысяча имён, и лишь одно из них – Этель.

Гарри.

Но Марк, ты же знаешь, что она...

Марк.

Да, знаю. Но ты любил её, а значит, она была послана Богом. Кто более достоин памяти?

Гарри.

Ты всё-таки заставишь меня заплакать, Марк.

Марк.

Нет, Гарри, нет. Скоро придёт машина, а я не хочу, чтобы ты уезжал в печали.

Гарри.

Да, времени осталось мало.

Марк.

Жаль, что я не могу поехать с вами, Гарри.

Гарри.

Мне тоже жаль, Марк.

Марк.

Но, ведь ты приедешь навестить нас? Ты обещал, Гарри. Может быть, осенью, когда будет не так жарко?

Гарри.

Может быть, осенью. ... Да, скорее всего. Перед этим, мне надо обязательно заехать в Париж.

Марк.

В Париж? Ты никогда не говорил об этом. Что тебе там нужно, Гарри?

Гарри.

Скажи, Марк, ты когда-нибудь видел вечерний Париж с Эйфелевой башни?

Марк.

С Эйфелевой башни? Ты знаешь, мне пришлось отказаться от этого, Гарри. Уж очень я боюсь высоты.

Гарри (удивлённо).

А когда ты был в Париже?

Марк.

А разве я сказал, что был там?

Гарри (с улыбкой глядя на Марка).
Нет, не говорил.

Марк.
Машина должна сейчас прийти. Может быть, мне спуститься вниз?

Гарри.
Зачем? Водитель позвонит по домофону.

Марк.
Я очень волнуюсь, Гарри.

Гарри.
Не беспокойся, всё будет хорошо. Когда ты будешь в Тель-Авиве, попробуй разыскать владельца брачной конторы, родом из Ковалья. Возможно, он носит фамилию Голдман. Это дядя Этели.

Марк.
Конечно, Гарри, конечно. Я сразу сообщу тебе.

(Гарри садится рядом с Марком и обнимает его.)

Гарри.
И вот ещё что...

Марк.
Что? Говори, я всё сделаю.

Гарри.
Ты помнишь эту песню?..

(Он начинает напевать песню, под которую они танцевали с Этель. Марк подхватывает её, и они вместе поют старую еврейскую песню. Они поют, и на фоне их песни звучит звонок домофона. Один раз... второй...)

Занавес.